

К 100-летию Михаила Болдумена

В роли Людовика XIV в спектакле "Мольер" Булгакова

Болдумен прослужил в МХАТе пятьдесят лет. В молодости работал в провинции, потом в Москве у Корша, а в 1933 году пришел в Художественный театр. Красивый, мужественный, обаятельный Михаил Пантелеймонович пришелся по вкусу Немировичу-Данченко. В нем была естественность человека, умеющего на сцене любить и быть любимым, и таилась загадка, которая притягивает женщин и которую они стараются разгадать. С Немировичем-Данченко Болдумен сделал две роли: Синцова во "Врагах" Горького и Вершинина в гениальных "Трех сестрах". Партнершей его в этих ролях была Тарасова.

Ничего прекраснее "Трех сестер", поставленных великим режиссером, я не видел за свою жизнь и в этом совсем не оригинален. Они вошли в меня и остались во мне, как и во всех, кому посчастливилось их увидеть. До сих пор помню начало второго акта, красавицу Тарасову — Машу и пленительного Болдумена — Вершинина. "Я бы выпил чая", — говорил Вершинин. "Скоро дадут", — отвечала Маша. И сразу в зале разливалось тепло, и хотелось бывать в доме Прозоровых, видеть, слышать этих удивительных, прекрасных людей. Знаменитый монолог о своих девочках, о будущем, о прошлом Вершинин произносит в третьем акте во время пожара. Болдумен говорил его, преодолевая небывалый напор чувств. Он любил Машу и думал только о ней.

Когда в 1940 году сыграли премьеру, Болдумена упрекали в ораторской интонации, в том, что его романтика велеречива. С этим нельзя согласиться. Болдумен играл Вершинина лет шестнадцать и всякий раз вел с Машей вдохновенный и одновременно чувственный диалог, завораживая зал, потрясенный значительностью происходящего. Мне его монологи казались насыщенными и немногословными. Лучшего Вершинина увидеть не пришлось.

Его мужское обаяние действовало даже тогда, когда артист играл совсем невыигрыш-

ные роли. В годы войны Кедров поставил пьесу Крона "Глубокая разведка". Спектакль много лет оставался в репертуаре театра. Болдумен исполнял роль инженера Майорова, приежающего в захолустную местность Елу-Тапе в Азербайджане. Роль невыносимо скучная, а Болдумен сыграл живого и обаятельного человека.

Назидательный персонаж превратился у него в сильно чувствующего мужчину. По пьесе Майоров встречался с Мариной, которую очень любил. Но она замужем за его товарищем. Авторской волей Майоров должен был все время объясняться со своими партнерами, а партнерами были Вера Николаевна Попова, Титова, Прудкин, Топорков, Белокуров, Эзов. Играть все великолепно, это был один из самых ансамблевых спектаклей старого МХАТа, но даже в этом ансамбле Болдумен выделялся спокойствием и внутренней силой.

Помню, как он играл сцену последнего объяснения с Мариной. Он понимал, что они расстанутся и никогда не будут вместе. Болдумен держал огромную лирическую паузу и долго стоял молча, задумавшись, оторвать глаз от него было невозможно.

Умение играть лирический подтекст отличало замечательного артиста. Подкупающая искренность, способность обнажать внутреннюю жизнь помогали ему преодолевать резонерство в самых плохих пьесах. Вслед за Добронравовым он обходил все сентиментальные, мелодраматические рифы роли Платона Кречета, а пьесу Корнейчука когда-то почитали чуть ли не классикой.

Ему часто приходилось играть спокойных, уверенных в себе, мужественных людей: Синцова во "Врагах", Бориса Годунова в "Царе Федоре". В нем всегда чувствовалась внутренняя сила, крупный характер. Это не зависело ни от социальной принадлежности его героев, ни от различий их судеб и эпох.

В феврале 1936 года во МХАТе сыграли "Мольера" Бул-

гакова. На следующий день в газете "Советское искусство" появилась разгромная статья. "О пьесе неодобрительно, об актерах неверно за одним исключением", — писал Булгаков своему другу. Этим исключением был Болдумен. Он играл короля. Даже злобный рецензент Литовский не мог полить его грязью. Вдова Булгакова в своем дневнике писала: "Болдумен великолепен. Лучший исполнитель в спектакле". Пьесе это не спасло. 9 марта в "Правде" была напечатана редакционная статья "Внешний блеск и фальшивое содержание". Судьба "Мольера" была решена, и Болдумен больше никогда не играл одну из своих самых блистательных ролей. Внутри МХАТа еще долго вспоминали его Людовика XIV; актер был в роли корректен и сдержан, но было очевидно, что это деспот, тиран, самовлюбленный и ограниченный, хоть и умный и умеющий быть вежливым. Невольно в сознании возникало сопоставление со Сталиным, чья диктатура к тому времени была уже всеобъемлющей.

Я много раз видел "Врагов". Сегодня "новые знатоки" истории МХАТа называют спектакль официальным, откровенно служащим сталинскому режиму. Он действительно был "просоветским". Но помнишь, будто смотрел вчера, подсвеченные особым красным цветом и зеленью декорации, глухой забор, поверх которого смотрят друг на друга фабрика и двухэтажный дом Бардиных. Мир, как бы поделенный надвое. Зерно спектакля — "враги". Синцов — рабочий-большевик, ровный, невозмутимый человек, уверенный в своем деле. Болдумен играл его очень тонко. Было видно, что Синцов научился презирать в себе раздвоенность воли. Дух данного исторического момента и сопряженных с ним событий был схвачен артистом с поразительной точностью. Синцову — Болдумену по-мужски нравилась Татьяна Луговая, и он, разговаривая с ней, давал ей это понять. Тарасова — Татьяна (это была одна из самых лучших ролей актрисы) ловила его взгляд, и их диалог волновал неясными ощущениями.

В творческой природе очень большого актера была очевидная склонность к мощному охвату темы, "большой линии" не только роли, но и пьесы в целом. Он умел сплести воедино лирическое и социальное, и от этого персонажи, сыгранные им, выглядели живыми.

Когда Олег Ефремов пришел во МХАТ, Болдумен тоже пришелся ему по вкусу. В 1973 году специально для него была поставлена пьеса испанского драматурга Буэро Вальехо "Сон разума". Болдумен играл Гойю, а Леокадию, женщину, которую он любил, — А. Андреева. Но спектакль ставил режиссер-стажер. Ефремов только руководил постановкой, и, хотя оформлял "Сон разума" Иозеф Свобода, специально вызванный из Чехословакии, и играли актеры сильно, особенно Болдумен, это не было большой удачей. Много было текста, заучивал Болдумен его трудно, в пьесе было что-то невнятное, и привычного успеха у актера не было, хотя прием был уважительный.

Незадолго до смерти (Болдумен умер в декабре 1983 года) он сыграл небольшую роль доктора в драме Олби "Все кончено", и это было замечательно. Неторопливые шаги, трезвый взгляд на мир и благородная порода профессионала, почти вымершая сегодня.

Виталий ВУЛЬФ